

Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

ЗАБЫТЫЕ ЭПИЗОДЫ РУССКО-НЕМЕЦКОГО ОБЩЕНИЯ

История взаимосвязей русской и немецкой культур всегда интересовала П. Н. Беркова, много сделавшего для изучения забытых подробностей этой многовековой истории. Здесь предлагаются два подобных эпизода: один связан с судьбой книги, другой — с человеческой судьбой. И оба они так или иначе связаны с Сибирью.

Об одном экслибрисе XVIII века

Среди разрозненных остатков частных петербургских библиотек мне встретился однажды том первого издания известного труда естествоиспытателя и географа Иоганна Георга Гмелина (1709—1755) «Reise durch Sibirien von dem Jahr 1740 bis 1743. Vierter Theil. Mit Kupfern» («Путешествие по Сибири с 1740 по 1743 год. Четвертая часть. С гравюрами»), напечатанный в Гёттингене в 1752 г. наследниками типографа А. Ванденхёка. Книга помогла мне в изучении сибирской темы у Ф. Шиллера, так как записки Гмелина — участника второй экспедиции Витуса Беринга — были в XVIII веке одним из источников, по которым немцы знакомились с восточными областями Российской империи.

Том имел ранее по меньшей мере двух владельцев, как это видно по номерам, проставленным старинными чернилами двумя почерками на форзаце и на титульном листе книги; помета на титульном листе сопровождалась росписью: M. Migau. Но это не первый владелец, поскольку на обороте титульного листа другими чернилами сделаны два отпечатка, о которых и пойдет речь.

Два почти правильных кружка расположены один под другим. На нижнем (диаметром 2,5 см) в круг вписана фигура, похожая на крест и вместе с тем на цветок с восемью закругленными ле-

пестками, в ее центре — плохо отпечатавшееся сердце с неясным изображением внутри, над сердцем — крупные латинские буквы A V, под ним — D V, по бокам сердца располагаются цифры, вместе составляющие дату «1741» Если читать буквы сверху вниз, то A и D могли бы означать «Anno Domini», т. е. «в год Господень», однако вероятнее всего, что здесь сокращен какой-то латинский девиз. Дата же может указывать на год основания библиотеки или на какое-нибудь иное событие, важное для владельца книги.

Верхний оттиск чуть меньше диаметром (2,4 см) и представляет собой герб в нижней части круглого щита видна фигура в форме пирамиды, или так называемого геральдического «стропила», из которой выходят три цветка на стеблях, такие же три цветка выходят из креста, расположенного над шлемом и дворянской короной, венчающей герб, щит обрамлен обычной драпировкой — «наметом». Три цветка, кстати, угадываются в слабом отпечатке внутри сердца на нижнем оттиске.

Изображения цветов не характерны для русской дворянской геральдики,¹ однако нередко встречаются в гербах остзейского дворянства. В частности, три розы присутствуют в гербе, полученном в 1642 г. дипломатом Филиппом Крузиусом (Cruisius, 1597–1676).² Перейдя из Гольштинии на шведскую службу, он принял участие в посольстве 1655 г. к Алексею Михайловичу и описал Московию, секретарем при нем состоял одно время А. Олеарий, пользовавшийся его материалами. Филипп Крузиус явился родоначальником семейства Крузенштернов, или Крузенштерна (Krusenstiern, Krusenstjerna). В гербе Крузиуса три розы на стеблях без листьев выходят из рыцарского шлема (без дворянской короны) и три розы расположены на щите, где имеется и «стропило», однако эти розы — без стеблей. Крест отсутствует. Отличий от нашего экслибриса немало, но есть сходство — особенно сближает оба герба геральдический мотив трех цветков. Нижний оттиск экслибриса с сердцем в середине очень похож на стилизованную розу, цветы в верхнем оттиске — также, скорее всего, розы.

Фамильные гербы переживали свою историю, модифицировались подчас довольно резко. Так, в гербе мореплавателя Ивана Федоровича (Адама Иоганна) Крузенштерна (1770–1846) вовсе нет следов герба его прямого прапрадеда. Таким образом, герб на нашем экслибрисе мог быть вариантом старого родового герба Крузенштернов.

¹ См. *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855 (переизд. М., 1990).

² J. Siebenmachers Großes und allgemeines Wappenbuch 3 Bände 11 Abtheilung Der Adel der Russischen Ostseeprovinzen 2 Th. Der nicht immatrikulierte Adel / Bearb. von M. Gritzer Nürnberg, 1901 S. 26 Taf. 19.

Если эта гипотеза верна, то о судьбе книги Гмелина можно сказать предположительно следующее.

Дед мореплавателя Эверт Филипп Крузенштерн, офицер Карла XII, во время Северной войны оказался в русском плену и провел в Сибири двадцать два года. Возвратившись на родину, в Эстляндию, в конце 1730-х или в начале 1740-х гг. «стариком», как сообщает биограф, он женился и прожил до 1748 г.³ В своем имении Хаггуд он начал собирать библиотеку, которую пополняли затем все поколения семьи, сохраняя, возможно, интерес к Сибири как к земле, тесно связанной с историей их рода. Во всяком случае, к 1816 г. у И. Ф. Крузенштерна, уже в его собственном поместье Асс, семейная библиотека насчитывала три тысячи томов, и было «среди них впечатляющее собрание описаний путешествий и географических карт».⁴ С 1823 по 1845 г. ученый жил и трудился в Петербурге, куда могли попасть книги из его наследственной библиотеки и где они и остались.

Если том Гмелина принадлежал к этой библиотеке, то печатка с датой «1741» могла означать год возвращения деда из сибирской ссылки, хотя оттиск был сделан уже не им самим. Такой книги, как «Путешествие по Сибири» Гмелина-старшего, просто не могло не быть в библиотеке Крузенштернов; будущий плаватель вокруг света, конечно, вырос на подобных книгах.

Этот рассказ гипотетичен, но мысль П. Н. Беркова, имеющая к нему отношение, бесспорна: «Книжный знак, экслибрис,— несмотря на связанные с ним курьезы, досадные ляпсусы и даже злоупотребления,— несомненно, серьезное явление современной культуры и заслуживает не меньшего уважения, чем любая форма проявления человеческих интересов».⁵

Российская ветвь семьи Лессингов

Вспоминая о Минусинске 1830-х гг., декабрист А. П. Беляев писал: «Все, что приезжало в город из образованного класса людей, как то: ученые, иностранцы, приезжавшие попытать счастья на золоте, или ученые, командируемые с какою-нибудь ученою целью,— все это группировалось около нас. Между этими господами были личности очень приятные — Так, два года сряду посещал Минусинск берлинец Лесинг (*так!*), потомок пи-

³ См. *Krusenstjern E, von Weltumsegler und Wissenschaftler Adam Johann Krusenstern, 1770—1846 Ein Lebensbericht Gernsbach, 1991 S 14*

⁴ *Ibid S 46*

⁵ *Берков П Н Предисловие // Ласунский О Книжный знак Некоторые проблемы изучения и использования Воронеж, 1967 С 6—7*

сателя, как он заявлял. Он ездил в Саянские горы для барометрического измерения гор. Это был славный молодой человек, очень умный, ученый, занимательный, но в то же время и несколько забавный по своему немецкому самолюбию. Например, он выдавал себя за хорошего ездока, тогда как был очень плохим». Следовал рассказ о том, как плохо пришлось гостю при верховом выезде на охоту. «При отъезде в Саянск,— продолжал мемуарист вспоминать о молодом немце,— он пожелал и нас сделать маленькими участниками его ученых работ, оставив нам свой стеклянный барометр, и просил делать метеорологические наблюдения, что и исполнялось братом аккуратно, записывалось и потом передано ему»⁶

Ученого энтузиаста звали Кристиан Фридрих Лессинг (1809—1862). Он был врачом и ботаником, увлеченным исследователем сибирской природы. Отправившись летом 1832 г из Берлина в ботаническое путешествие по южной Сибири, он остался в этих краях навсегда. С ноября 1835 г Лессинг служил «горным лекарем» при Горном управлении в Барнауле и, вероятно, объездил всю обширную Томскую губернию. В 1839 г у него появилась возможность перебраться на службу в Петербург, но по каким-то причинам это не осуществилось.

По поводу своего родства с великим немецким просветителем Готхольдом Эфраимом Лессингом (1729—1781) Кристиан Фридрих говорил правду. Он приходился ему внучатым племянником, так как был одним из сыновей юриста Карла Фридриха Лессинга (1778—1848) и, кстати, братом известного живописца, звавшегося, как и их отец, Карл Фридрих Лессинг (1808—1880). Братья были внуками Карла Готхельфа Лессинга (1740—1812), младшего брата просветителя.

По пути из Германии в Сибирь доктор Лессинг задержался зимой 1832—1833 гг в Петербурге, где завел ряд интересных знакомств. В ученых кругах он встречался с крупным ботаником Ф. Б. Фишером (1780—1854), членом Академии наук, первым директором столичного Ботанического сада, с его коллегой профессором К. А. Мейером (1795—1855), а также с врачами-литераторами К. К. Зейдлищем (1798—1885), приятелем В. А. Жуковского и его будущим биографом, и В. И. Далем (1801—1872). С последним Лессинг особенно сдружился и, может быть, встречался с ним после 1833 г, когда Даль служил семь лет чиновником особых поручений при главном начальнике Оренбургского края. Во всяком случае, они состояли в переписке.

⁶ Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и пережитом // Русская старина. 1881. Т. 31, июль. С. 352—353.

Таким образом Лессинг соприкоснулся с литературной средой Петербурга. Он виделся с Н. И. Гречем (1787–1867) — что неудивительно при приятельских отношениях Греча с Далем — и . . . мог быть представлен Пушкину. Такое предположение основывается на следующих строках одного из писем Лессинга к Далю из Томска в Оренбург от 4 февраля (ст. ст.) 1837 г. (цит. в переводе с немецкого). «Любезнейший друг,— писал доктор Лессинг,— полагая, что еще до прибытия к Вам этого письма Вы возвратитесь в Оренбург, спешу ответить на Ваше последнее письмо от 21 ноября 36 г. Из петербургского письма г. Фишера я знаю что в Петербург Вы уже прибыли, хотя и будучи, к сожалению, больным. Другое письмо — от г. д-ра Мейера принесло мне печальную весть о кончине Вашего друга Зейдлица. С последней почтой дошли до нас известия и о новых смертях знакомых мне лиц, а именно Пушкина и Греча. Поистине немалая потеря для Петербурга».⁷

В этом письме, одном из четырех сохранившихся писем Лессинга к Далю,⁸ странным образом перемешались правда и слухи. И К. Зейдлиц, и Н. Греч здравствовали (хотя в январе 1837 г. умер младший сын Греча, студент университета, носивший имя отца). Пушкин же действительно скончался ко времени написания письма. Дуэль произошла, как известно, 27 января, а смерть наступила 29 января (ст. ст.) в присутствии В. Даля. Но как могла эта весть достигнуть Томска менее чем за неделю? И все же мы имеем документальное свидетельство ее стремительного распространения.

Без сомнения, знакомство Пушкина с молодым доктором Лессингом зимой 1832–1833 г. если оно и произошло, то было беглым, и эта возможная встреча небезынтересна для истории отношений между русской и немецкой культурами. Спустя год Пушкин посетил места Пугачевского движения, встречался там с Далем, где-то вблизи проходили маршруты ботанических экспедиций Лессинга, точного направления которых мы не знаем. Известно лишь, что Лессинг вел тщательные путевые записи, которые он намеревался опубликовать в Германии. Следы дневников его исчезли; сохранились кроме названных письма его к родным, частично опубликованные в материалах архива его брата.⁹ Известно также,

⁷ ИРЛИ, Рукописный отдел, фонд В. И. Даля, № 27342/СХСХVI б 7, л 5 (оригинал по-немецки)

⁸ Остальные письма помечены Томском (18 марта 1836 г.), Тамбаром, что в трехстах верстах от Томска (12 октября 1836 г.), и Красноярском (4 января 1841 г.)

⁹ См. Karl Robert Lessings Bucher- und Handschriftensammlung Berlin, 1914 S 297–315. Карл Роберт Лессинг (1827–1911) — один из братьев К. Ф. Лессинга, юрист, собрал огромную лессингиану и сохранил семейный архив

что результаты своих научных наблюдений и ботанические находки Лессинг переправлял в Петербург, в Академию наук¹⁰ Собственно его рукописное наследие, по-видимому, затерялось, оставшись в Сибири Или оно где-то хранится? Там могли бы отыскаться любопытные записи о ссыльных декабристах (не эти ли знакомства помешали служебной карьере доктора?), а может быть, и о Пушкине

В Сибири К Ф Лессинг устроил свой семейный очаг Он был дважды женат Его первая жена Екатерина Григорьевна, урожд Комлевская, умерла в 1855 г Вторая жена Евлалия Ивановна, урожд Васильева, скончалась, уже вдовствуя, 25 сентября 1883 г Во втором браке у «сибирского» Лессинга родились две дочери Мария, в замужестве Шашина (1858–1908), жила в Ачинске Енисейской губернии, младшая — Ольга (род 1861) вышла замуж за адвоката Николая Афанасьевича Глаголева, в июне 1908 г она была жива¹¹ Может быть, жестокий XX век пощадил дальних сибирских потомков знаменитой семьи?

---

¹⁰ См *Бородин П И* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири СПб, 1908 С 66–67

¹¹ См *Buchholtz A* Die Geschichte der Familie Lessing Berlin, 1909 Bd 2 S 353–401